

П.Б. Дроздова (Санкт-Петербург, Россия)

О некоторых стилистических особенностях итальянской средневековой женской мистики

Аннотация: Средневековая женская мистика – особый вид литературы европейского Средневековья; среди его представительниц немало уроженок Италии. Желание авторов максимально точно описать свой мистический опыт ставит перед ними задачу «выразить невыразимое», что приводит к использованию особых лингвистических средств – как стилистических, так и лексических. На примере сочинений Анджелы из Фолиньо, Екатерины Сиенской и Екатерины Генуэзской рассматриваются некоторые характерные особенности итальянской средневековой женской мистики: использование намеренных тавтологий, подобий, парабол, метафор, литот (стилистические особенности); использование куртуазной и любовной лексики, а также лексики, связанной с темами материнства, божественного кормления, крови, питания и очищения.

Ключевые слова: итальянская женская мистическая литература, средневековые тексты, стилистика, лексика

P.B. Drozdova (St. Petersburg, Russia)

On Some Stylistic Peculiarities in Medieval Mystic of Italian Female Writers

Abstract: Medieval women's mysticism is characteristic to the European Middle Ages literature where there is a certain number of Italians. The authors' desire to describe her own mystical experience as correctly as possible raise the problem of "expressing the inexpressible", which results in using of characteristic linguistic means, stylistic as lexical. On the example of the texts of Angela da Foligno, Catherine of Siena and Catherine of Genoa, the article presents some of linguistic peculiarities of Italian medieval women's mysticism: stylistical (the use of intentional tautologies, similarities, parabolas, metaphors, lithotes), and lexical (the use of courtesy and love lexis, as well as lexis related to the themes of motherhood, divine nursing, blood, nutrition and purification).

Key words: italian female mystic literature, medieval texts, stylistics, lexis

Исследователями христианской мистики – Средневековья и более поздних эпох – неоднократно замечалось, что слово, сказанное или написанное, является неотъемлемой частью мистических переживаний – инструментом, необходимым

для максимально точной передачи собственного опыта единения с Богом. В частности, Жан Леклерк посвятил этому феномену отдельную книгу «L'amour des lettres et le désir de Dieu» («Любовь к литературе и жажда Бога»), где говорится о бенедиктинских монахах-мистиках, для которых «риторика стала частью их самих», так как в их сочинениях «стремление к вершинам искусства невозможно отделить от стремления к Богу, так же как риторику невозможно отделить от жажды преодоления, свойственной их призванию, а грамматику – от эсхатологического желания» (цит. по: [4: 238]; перевод мой. – П.Д.). Слово как способ передачи мистического опыта – как в его чувственной, так и в созерцательной форме – становится новым способом «вербализации Бога», попыткой «выразить невыразимое».

В ряду произведений писателей-мистиков Средневековья особое место занимают сочинения, написанные женщинами; эти «mulieres sanctae» могут быть монахинями или состоять в близких по духу к монашеству религиозных общинах, в их мистических видениях значительную роль играет чувственный опыт, когда присутствие Бога ощущается всеми органами чувств, Бог осязаем и зрим и соединяется с ними в мистическом союзе. Любовь, «потребность в вечной Любви» пронизывает сочинения многих мистических писательниц: и Хильдегарды Бингенской, и Беатрис из Назарета, и бегинок Маргариты Порете, Мехтильды Магдебургской и Хадевейх Антверпенской, и англичанки Джулианы Норвичской, – женская мистика раньше появляется на Севере Европы (Франция, Бельгия, Англия) и постепенно «спускается» на Юг.

Итальянская женская мистика также полна этой возвышенной любви, принимающей разные формы под пером (вернее, в устах) разных авторов: мы говорим о «безумной любви» жившей во второй половине XIII в. Анджелы из Фолиньо или о «совершенной любви» святой Екатерины Сиенской – Учителя Церкви, – оставившей богатое эпистолярное наследие в последней трети XIV в.; в сочинениях же Екатерины Генуэзской конца XV в. мы читаем о «чистой любви», к которой человек приходит, следуя по пути очищения. Для выражения этой любви каждая из писательниц пользуется характерным языком: глубину и богатство своих переживаний они передают посредством риторических фигур, прибегая к характерной лексике и опираясь на «литературный багаж» современной им и предшествующих эпох. Джованни Поцци, священник и литературный критик, пишет о важности слова для мистика: в мистическом единении с Богом сам мистик выступает в роли лишь ретранслятора «слова полученного и переданного», его собственное «я» исчезает, сливаясь с собеседником [12: 520–521]. Как говорит в своих «Откровениях» Анджела из Фолиньо:

И хотя могу я чувствовать мирские печали и радости, в душе моей есть комната, в которую не входит ни радость, ни печаль, ни наслаждение какой-либо добродетелью, но входит в нее то всеобильное благо. <...> И в нем я разумею и имею всю истину, которая на небе и на земле, и в аду, и во всякой твари, с такою достоверностью, что, если бы весь мир говорил противоположное, я не могла бы верить в другое, а, напротив, усмехалась бы [2: 439].

Исследователь мистической литературы Альберт Деблэр определял мистический опыт как «непосредственное и пассивное переживание Божественного присутствия» (цит. по: [12: 527]; здесь и далее перевод мой. – П.Д.): именно описание этого опыта требует особого языка, полного символов, метафор и сравнений; по словам Мишеля де Серло, «святой, становящийся мистиком, приобретает и писательский дар» (цит. по: [4: 239]). Эти слова мы можем отнести не только к

образованным авторам (таким, как Екатерина Генуэзская, которая происходила из благородного семейства Фиески, получила хорошее образование и была знакома как с классической литературой, так и с недавними современниками, Данте и Петраркой), но даже к незнакомой с грамотой Анджеке из Фолиньо. Мистический опыт нераздельно связан с писательским мастерством, поскольку «мистика и поэзия равным образом представляет собой систему устройства реального бытия, выраженную литературным языком» [4: 240]. Для языка мистических сочинений характерны искренность и непосредственность устной речи: подавляющее большинство авторов не записывают, но диктуют собственные сочинения на своем родном наречии. Откровения блаженной Анджели записывает ее духовник о. Арнальдо, сразу переводя их с умбурского диалекта на латынь, а сочинения Екатерины Сиенской и Екатерины Генуэзской записываются учениками обеих так, как диктуются – на итальянском *вольгаре*.

В их речи мы часто сталкиваемся с намеренными повторами или тавтологиями, об использовании которых Т.Б. Алисова в «Истории формирования литературного итальянского языка в XIII–XV вв.» пишет: «...то, что современному писателю представляется пустой тавтологией, служит, по мнению средневековых писателей, средством проникновения в сущность называемой вещи». В подкрепление своих слов Т.Б. Алисова приводит слова Данте, напоминающего, что «Аристотель предписывал этимологическое исследование слова для определения сути предмета» [1: 11].

Язык мистических писательниц как бы пробует, нащупывает нужную форму, силясь «выразить невыразимое», как, например, у Анджели из Фолиньо:

И вижу себя одну с Богом всю чистую, всю освященную, всю истинную, всю правую, всю удостоверенную, всю небесную в Нем [2: 440],

Ибо ушами Моими услышал Я многое, приносившее величайшее горе, а именно: ложные обвинения, поношения, издевательства, проклятия, насмешки, глумления, богохульства, несправедливый приговор [2: 455].

Стараясь как можно более точно передать свои видения, Анджека прибегает к *подобиям*, пусть и не до конца соизмеримым:

...показалась мне эта Любовь в чем-то похожей на серп. Не следует понимать это так, что было какое-то количественно измеримое подобие, но была Любовь подобна серпу, так как сначала Любовь явилась, а потом увлеклась обратно, как только дала она уразуметь себя [2: 431].

Как замечает исследователь Франческо Асти, эти «подобия» представлены одновременно и оборотами речи, и символами: в них предметы повседневного быта, хорошо знакомые как Анджеке и Арнальдо, так и их читателям, например обычный серп, обретают другой, символический смысл, выходя за пределы земных измерений (см. [3: 240]).

Кроме подобий, часто встречаются в откровениях Анджели и *примеры* или *параболы*: «Тогда дан мне был пример и несколько раз было велено записать его. Пример же был о школьнике, которого отец посылает в лучшие школы и т. д.» [2: 477]. В этих примерах сказывается влияние жанра *exemplum*, но сами герои: школьник, отец, сельская женщина и др. – отсылают к близким и понятным читателям персонажам, так же как подобия отсылают их к знакомым предметам. Такие примеры и назидательные рассказы типичны для средневековой литературы, так же как типично для нее и поэтическое описание куртуазной любви.

Удостой меня, Боже несотворенный, познать глубину любви Твоей и пучину пламеннейшей Твоей любви. Удостой меня уразуметь невыразимую любовь, которую сообщил Ты нам <...>. О, дивная любовь и радующая, ибо в тебе обаяние всяческой сладости и всяческое наслаждение [2: 480].

Французская исследовательница Жоржетт Эпинэ-Бюргар, говоря о средневековых мистических писательницах, красноречиво называла их «Femmes troubadours de Dieu» – «женщины-трубадуры Господа». Возвышенная любовь к Богу, переданная возвышенными словами, объединяет между собой немецких монахинь, французских бегинок и итальянских терциарок (к францисканским терциариям принадлежали Анджела и Екатерина Фиески, к доминиканским терциариям или mantellate – Екатерина Сиенская).

Мистическая любовь, видения мистического единения с Богом – характерные черты женской мистики, однако в основе ее лежит нечто гораздо более глубокое, чем свойственная женщинам «чувственность»; все же ряд исследователей (в частности, Марко Ваннини) видят в этом лишь «женскую психологию», склонность женщины «вообразить любовный союз с субъектом мужского пола», особенно обвиняя в этом итальянок. Эта точка зрения, в свою очередь, подвергается сокрушительной критике со стороны Джованни Поцци: согласно его исследованиям, «брачная тема вовсе не является преобладающей в корпусе произведений итальянской женской мистики и присутствует там не в большей степени, чем в сочинениях других мистиков» [7: 343] (перевод мой. – П.Д.).

Для выражения мистической любви писательницы используют не только любовную лексику, восходящую еще к соломоновой Песни Песней, но и образы материнства; это может быть как младенец Иисус на руках у Анджелы из Фолиньо:

...и вдруг Младенец оказался в руках моих совсем нагим, и открыл Он и поднял глаза, и посмотрел; и при взгляде очей Его тотчас же почувствовала я и возымела такую любовь, что совсем она меня одолела [2: 466],

так и нередко встречающиеся образы кормления грудью, например в одном из писем Екатерины Сиенской:

Нам <...> надлежит быть подобно младенцу, который, возжелав молока, приникает устам к сосцу матери, дабы посредством плоти насытиться молоком; так же и нам следует поступать, если мы хотим напитать нашу душу, ибо должно нам припасть к груди распятого Христа, как к матери милосердия, и посредством плоти его извлечь благодатное питательное молоко [9: Письмо LXXXVI] (здесь и далее перевод мой. – П.Д.).

Тема божественного кормления – не только молоком, но и кровью – часто встречается у Екатерины Сиенской; в ее письмах мы находим множество метафор, связанных с кровью как с божественной пищей и спасением человека:

Пишу вам в его драгоценной крови; в страстном желании видеть вас омытым и погруженным в кровь Сына Господня [9: Письмо LV].

О славная и драгоценная кровь, ты служишь для нас омовением и целебным бальзамом, налагаемым поверх ран наших [9: Письмо LXXIII].

Принимайтесь за трапезу распятия и, упиваясь все кровью, вкушайте духовную пищу [9: Письмо CCCXXIX].

Сегодня «кровавые» образы, рождающиеся у нас при чтении Екатерины Сиенской, кажутся жестокими, но именно кровь, по ее убеждению, приведет нас к спа-

сению, так же как отказ человека от своей воли и сыновняя покорность приводят его к состоянию совершенной любви к Богу.

Вообще, говоря о темах кормления и духовной пищи у святой Екатерины, интересно обратиться к анализу Риты Либранди, исследовавшей лексику ее писем: Екатерина часто употребляет слова, связанные с питанием и кормлением (например, глаголы: *mangiare* – есть, *devorare* – пожирать, *gustare* – наслаждаться вкусом, *saziare* – насыщаться; или существительные: *bocca* – рот, *cibo* – пища и т. д.), конечно подразумевая духовную пищу, или же таинство Евхаристии. Ряд современных агиографов усматривает в обилии подобной лексики связь с длительными суровыми постами, налагаемыми на себя Екатериной, однако, считает Либранди, это лишь подчеркивает ее представление о любви: это принятие в себя, слияние с возлюбленным предметом. «Понятия “поститься” и “принимать пищу”, – пишет Либранди, – становятся метафорами жизни именно потому, что воздержание и принятие духовной пищи или Евхаристии представляют собой способ непрерывного слияния с Богом, благодаря которому телесные уста могут превратиться в уста души» [6: 28–29] (перевод мой. – П.Д.).

Жившая чуть более века спустя после Екатерины Сиенской Екатерина Генуэзская также использует метафору еды, но приводит ее в свете другой идеи – очищения, ставшей основной идеей ее доктрины (отметим в скобках любопытное совпадение: наиболее распространенным толкованием имени Екатерина считается его происхождение от греческого имени *Αικατερίνη*, что значит «вечно чистая»):

когда мы едим хлеб, часть его удерживается в теле для насыщения, а другая извергается наружу. Так же и душа, с помощью Господа, отбрасывает все лишнее, все обретенные во грехе дурные привычки, оставляя для себя очищенное тело, где действуют очищенные чувства (цит. в: [10: 296]; перевод мой. – П.Д.).

Любовь Екатерины Генуэзской – это «чистая любовь», любовь души, очищенной от самолюбия. Ее «Трактат о чистилище», благодаря которому она удостоилась титула «доктор чистилища», изобилует такими прилагательными как *rigo* – чистый, *nudo* – нагой, *netto* – очищенный от всего лишнего, *diritto* – честный. Стремление избавиться от самолюбия приводит у Екатерины Генуэзской к полному уничтожению собственной личности: по ее учению, только отказ от себя, от своих чувств может дать совершенное единение с Богом.

Джованни Поцци, будучи специалистом по женской мистике, говорит о собственной подавляющему большинству писательниц диалектике «все – ничего», воспринятой от средневековой доктрины отказа от собственного «я»: стремление к уничтожению своего «я» для полного соединения с Христом является, по его мнению, не менее – или даже более – характерным для мистических писательниц, чем темы мистического союза или материнской любви.

Наряду со многими страницами, полными неистовой страсти, контрастом выступают другие, почти целиком посвященные отказу от всего, что мешает соединению с Богом; и на этих страницах нет места сентиментальности. Мы встречаем такой отказ на каждом шагу, пусть и не абсолютно у всех, но то у одной, то у другой писательницы то на одной, то на другой странице. Его я обнаруживаю у Анджели из Фолиньо, утверждающей, что она превратилась в «не-любовь» вследствие соединения с Богом, совершившегося в некоем мраке, а не в свете. Его я обнаруживаю у Екатерины Генуэзской, которая говорит о зрении без глаз, об осознании без разума, об ощущении без намерения, вплоть до радикального отказа от самой идеи совершенствования, чистоты и даже от идеи соединения с Богом, так как это понятие подразумевает их одновременное присутствие [7: 343] (перевод мой. – П.Д.).

Это отрицание, отказ от собственного «я» и от собственных чувств ведет к частому появлению таких стилистических фигур, как литоты, например у Екатерины Генуэзской: «Язык не может выразить и сердце не может понять», «Слова мои – ничто» [8: 26–27] (перевод мой. – П.Д.), а у Анджелы из Фолиньо характеризуется парадоксами или оксюморонами: «оскорбила Творца моего, коего не хотела бы оскорбить и оскорблять ради всех благ и зол, которые только можно назвать» [2: 413]; «Вся я делаюсь гневом, вся гордыней, вся печалью, вся делаюсь горчайшею и надменною и приемлю иную величайшую горечь от благ, которые даровал мне Бог» [2: 416]: «увидела я Его в некоем мраке; а потому во мраке, что Он – наибольшее благо» [2: 433].

Своеобразие языка итальянских мистических писательниц Средневековья пленяет ум и трогает душу; размышления и переживания каждой из них одновременно и выражают свою эпоху и опережают ее; образ жизни, выбранный этими женщинами, может считаться своего рода эмансипацией, позволяя им большую, по сравнению с современницами, свободу мысли и действия. Можно сказать, что именно в Средневековье женщины обретают собственный голос, – голос отчетливый и громкий, который и сегодня ясно слышен нам из глубины веков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алисова Т.Б. История формирования литературного итальянского языка в XIII–XV вв. // Алисова Т.Б., Челышева И.И. История итальянского языка. М., 2009. 144 с.
2. Анджела из Фолиньо. Откровения блаженной Анджелы / Пер. Л.П. Карсавина // История субъективности: Средневековая Европа; сост. Ю.П. Зарецкий. М.: Академический проект, 2009. С. 389–486.
3. *Asti F.* Dire Dio. Linguaggio sponsale e materno nella mistica medioevale. Città del Vaticano: Libreria Editrice Vaticana, 2006. 364 p.
4. *Carugati G.* Dante «Mistico»? // QUADERNI d'italianistica. 1989. Vol. XX. №1–2. P. 237–250.
5. *Epiney-Burgard G., Zum Brunn E.* Le poetesse di Dio. L'esperienza mistica femminile nel Medioevo. Milano: Mursia, 1997. 200 p.
6. *Librandi R.* Dal lessico delle «Lettere» di Caterina da Siena: la concretezza della fusione // Dire l'ineffabile. Caterina da Siena e il linguaggio della mistica. Atti del Convegno (Siena, 13–14 novembre 2003). Firenze: Edizioni del Galluzzo per la Fondazione Ezio Franceschini, 2006. P. 19–40.
7. *Pozzi G.* Grammatica e retorica dei santi. Milano: Vita e pensiero, 1997. XII, 432 p.
8. *S. Caterina da Genova.* Trattato del Purgatorio e altri scritti. Milano: Gribaudi, 2017. 144 p.
9. *S. Caterina da Siena.* Le Lettere, ridotte a miglior lezione e in ordine nuovo disposte con proemio e note, a cura di Tommaseo. Firenze: Barbera editore, 1860. URL: <https://www.ilpalio.siena.it/SantaCaterina/lettere> (date accessed: 20.11.2021).
10. *Tagliafico A.* Itinerario teologico-spirituale di S. Caterina da Genova: nel fuoco dell'amore puro // Alpha Omega. 2017. Vol. 20. №2. P. 283–304.
11. *Vedova M.* Esperienza e dottrina. Il Memoriale di Angela da Foligno / Istituto Storico dei Cappuccini. Roma, 2009. 395 p.
12. *Visani O.* Scrittura mistica e spiritualità femminile // Il Medioevo. Castelli, mercanti, poeti / A cura di U. Eco Milano, 2011. P. 508–553.

REFERENCES

1. Alisova T.B. The History of the Formation of the Literary Italian Language in the XIII–XV cs. In: Alisova T.B., Chelysheva I.I. History of the Italian Language. Moscow. 2009. 144 p.
2. Angela of Foligno. Revelations of Blessed Angela / Transl. by L.P. Karsavin. In: A History of Subjectivity: Medieval Europe; Compil. by Yu.P. Zarecky. Moscow. Akademicheskyy Proekt Publ. 2009, pp. 389–486.
3. Asti F. (2006) Dire Dio. Linguaggio sponsale e materno nella mistica medioevale. Città del Vaticano. Libreria Editrice Vaticana. 364 p.
4. Carugati G. Dante «Mistico»? *QUADERNI d'italianistica*. 1989. Vol. XX. No 1–2, pp. 237–250.
5. Epiney-Burgard G., Zum Brunn E. (1997) Le poetesse di Dio. L'esperienza mistica femminile nel Medioevo. Milano. Mursia. 200 p.
6. Librandi R. Dal lessico delle “Lettere” di Caterina da Siena: la concretezza della fusione. In: Dire l'ineffabile. Caterina da Siena e il linguaggio della mistica. Atti del Convegno (Siena, 13–14 novembre 2003). Firenze. Edizioni del Galluzzo per la Fondazione Ezio Franceschini. 2006, pp. 19–40.
7. Pozzi G. (1997) Grammatica e retorica dei santi. Milano. Vita e pensiero. XII, 432 p.
8. S. Caterina da Genova. (2017) Trattato del Purgatorio e altri scritti. Milano. Gribaudi. 144 p.
9. S. Caterina da Siena. (1860) Le Lettere, ridotte a miglior lezione e in ordine nuovo disposte con proemio e note, a cura di Tommaseo. Firenze. Barbera editore. URL: <https://www.ilpalio.siena.it/SantaCaterina/lettere> (date accessed: 20.11.2021).
10. Tagliafico A. Itinerario teologico-spirituale di S. Caterina da Genova: nel fuoco dell'amore puro. *Alpha Omega*. 2017. Vol. 20. №2, pp. 283–304.
11. Vedova M. (2009) Esperienza e dottrina. Il Memoriale di Angela da Foligno / Istituto Storico dei Cappuccini. Roma. 395 p.
12. Visani O. Scrittura mistica e spiritualità femminile. In: Il Medioevo. Castelli, mercanti, poeti / A cura di U. Eco Milano. 2011, pp. 508–553.

Сведения об авторе:

Полина Борисовна Дроздова,
аспирант
филологический факультет

Санкт-Петербургский
государственный университет

Polina B. Drozdova,
Ph.D. Candidate (Linguistics)
Faculty of Philology

Saint Petersburg State University

paulina.drozdova@gmail.com